

18+

Сквозь тьму
Предсказание Маро
Виктория Кадаверциан

Виктория Кадаверциан

Сквозь тьму. Предсказание Таро

«Издательские решения»

Кадаверциан В.

Сквозь тьму. Предсказание Таро / В. Кадаверциан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674299-4

Мир погружен во тьму. По землям Венгрии бродят полчища оборотней и вампиров. Молодой наследник престола, Стефан Дечан собирается жениться и вместе с невестой отправляется в путешествие. В пути на карету нападают оборотни и Стефан, внезапно для себя, оказывается в самой гуще событий, вовлекая в них и цыганский табор, и колдунью табора — Кхамали. Впереди героев ожидают сражения, древние артефакты и то зло, что скрывается во тьме.

ISBN 978-5-00-674299-4

© Кадаверциан В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сквозь тьму. Предсказание Таро

Виктория Кадаверциан

© Виктория Кадаверциан, 2025

ISBN 978-5-0067-4299-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Мир погрузился во тьму. А может быть, тьма всегда была его неотъемлемой частью, прорастая корнями в самое сердце? Невидимыми лентами, как коконом, все сжимала и сжимала свет, заставив его однажды погаснуть?

Все знают, что нет абсолютной тьмы. Но что есть свет? Надежда? Вера? Может быть, любовь? Чушь. Свет – всего лишь инструмент темноты, которым она умело пользуется, чтобы становиться гуще и ярче. Во тьме нет теней. Во тьме все серы. Одни прикидываются паиньками, другие демонстрируют истинные намерения не таясь, выпячивая их напоказ как достижение. Кто прав? Тот, кто достигает цели, конечно же. Это и только это – истина, все остальное лицемерие.

Высокий, темноволосый мужчина отложил в сторону перо, перечитал строки, написанные его рукой. Ни капли лжи, все так, как было. Как будет и как есть. Этот мир так давно сросся с тьмой, что даже появившись в центре ядро света, не смогло бы оно прорвать этой пелены.

Старики говорили, что слышали от своих родителей, а те – от своих, что так было не всегда. Что мир был обычным, со своим светом и собственной тьмой, каким бывает любой среднестатистический мир. А потом появились они. Те, кто охотится в ночи. Обитатели страшных сказок и легенд в одночасье обрели плоть, став не просто частью – хозяевами мира. Они подчинили людей, сделали их рабами и кормом. Они развернули кровопролитные сражения за власть, не считая павших. Они заставили свет угаснуть окончательно, погрузив мир в вечную тьму.

И началась эпоха мрака, мрачная и кровавая...

История совершила виток, и легенды стали реальностью. Вампиры, оборотни, мелкая нечисть больше не боялись людей. Они вышли из тени, показали силу и власть слабыми, заставили всех обитателей мира играть на своих правилах. Вампиры заключали договоры с правителями, не трогая именитые династии, а взамен получали дань в виде простых смертных. Что такое целая вырезанная деревня против, к примеру, дочери короля? Всего лишь плата за жизнь, не более. Крестьяне и горожане пытались бунтовать – брали вилы и колья, зажигали факела, носили защитные амулеты... Все было тщетно.

Защищаясь от вампиров, люди напрочь забывали о других обитателях тьмы, тех, чьи желтые глаза смотрели сквозь ночь со звериным равнодушием, выбирая себе жертву на обед и ужин. Оборотни ненавидят вампиров за их заносчивость и не любили людей, видели в них только пищу. Но открыто неприязнь не демонстрировали, наоборот, изначально именно их появление было воспринято населением городов и сел как манна небесная, ведь первыми, кто стал жертвами, были обитатели трущоб и ночных улиц.

Воры, грабители, разбойники, что разбивали лагерь за городской чертой, устраивая свои логова в лесной чаще. Нищие, прячущие подо рваными лохмотьями ржавые ножи и арбалеты, пьяные прожигатели жизни, оказавшиеся на улицах после захода солнца. Люди сразу не поняли, что огромные серые звери – не друзья им, а враги, но до последнего надеялись, что однажды оборотни и вампиры сойдутся в смертельной схватке и первые выйдут победителями. До истины было недалеко – обитатели темноты ненавидели друг друга, и по всему миру гремели жестокие схватки, но разве можно выбрать меньшее зло?

Так, люди оказались в клещах войны между бессмертными. Теперь мирные деревни спешно обзаводились высокими частоколами и тяжелыми воротами, окованными железными полосами. Находились смельчаки, посмевшие бросить вызов то вампирам, то серым стаям. Все было тщетно. Какими бы отважными ни были герои, их попытки разбивались вдребезги о волчьи когти и вампирские клыки. Ни один из смельчаков не вернулся, все они нашли смерть, а самые сильные примкнули к рядам вампиров, обернувшись после укуса. Тьма расплзалась как мор по землям, накрывала все больше и больше территорий. Теперь уже безопасность и свобода стала мифом, сказкой, небылицей. Мир забыл эти понятия.

Нет, люди – удивительные создания, приспособились и к тьме. Они приносили кровавые жертвы, выкупая себе недели, а иногда и месяцы иллюзорной безопасности. Кто-то искал все новые и новые способы защиты... И тогда равновесием к тьме пришла в мир магия. Она подчинялась не всем, но была довольно сильна и способна защитить людей хотя бы на время.

Вот на таких, одаренных, нечисть и открыла охоту, стремилась выжечь носителей магии как заразу. Маги учились скрываться или наращивали свою силу до такого уровня, чтобы уметь себя защитить.

Шло время. Год за годом, век за веком. И люди совсем забыли, как было раньше, смирились, приняв тьму как данность.

ГЛАВА 1

– Сынок, мне кажется, ты слишком мало времени уделяешь госпоже Милораде. – Старый правитель Венгрии, Стефан Третий восседал в широком кресле, руки его, покрытые сетью морщин, с просвечивающимися сквозь пергаментную кожу синеватыми венами, лежали на вызолоченных подлокотниках. Перед ним стоял, склонив голову, его младший и единственный оставшийся в живых сын. Тот, кто по праву крови займет место на троне после смерти правителя. Совсем еще молодой, с горящим огнем в сердце и глазах. Стефан Четвертый Дечан, опора его немощного тела и отрада души.

– Отец! – молодой господарь вскинул голову, собирался протестовать, но тут же опустил взгляд, тяжело вздохнув. – Я понял тебя. Завтра же приглашу госпожу на конную прогулку. Надеюсь, она любит лошадей...

Правитель вздохнул. Милорада Неманич была дочерью одного из его вассалов, обладающего очень приличным состоянием и обширными землями. Кроме того, девушка была невероятно красива, что, как ему казалось, было немаловажным аспектом удачного брака.

– Сын мой, я думаю, мне не надо повторять, что мы гораздо больше заинтересованы в этом союзе, чем родители Милорады?

Молодой господарь снова вздохнул. Да, госпожа красива, в меру болтлива и капризна. Смотрела на него влюбленными глазами и томно вздыхала при встрече, демонстрировала безупречные формы и ангельскую улыбку. О такой супруге многие могли только мечтать!

– Я помню, отец. Хороший брак строится на политике, а не на любви.

Младший Стефан коротко поклонился, этим жестом испрашивая позволения удалиться, и когда отец кивнул, поспешил выйти из тронного зала. Его манили странствия, битвы, подвиги! С другой стороны, внезапно подумалось, что и после свадьбы жизнь не так уж круто изменится – вопрос обзаведения наследником не столь далек, и едва Милорада будет в тягости, можно с чистой совестью не беспокоить супругу, удалившись на поиски приключений.

– Госпожа!

Он нашел дочь князя Неманич в саду, в окружении придворных леди, которые вышивали что-то, восседая в открытой круглой беседке на шелковых подушках.

– Ах, Стефан! Вы меня напугали!

Блондинка с синими глазами вздрогнула, тонкая игла неловко скользнула по ее пальцам, уколов. Милорада опустила взгляд, видя, как на белоснежной коже появляется капля крови, и медленно подняла руку вверх, собираясь слизнуть алую капельку, но ближайшая к ней фрейлина успела раньше.

– Позвольте, госпожа! Вот платок!

Белоснежный кусочек ткани прикрыл крошечную ранку, впитывая кровь, а Стефан покаянно качнул головой.

– Простите, что из-за меня вы поранились. Могу ли я загладить вину, пригласив вас на прогулку?

Глаза Милорады вспыхнули радостью, а щеки залил едва заметный предательский румянец.

– Я буду счастлива.

Тихий голосок девушки напоминал журчание ручья в жаркий полдень, такой искренний и приятный. Стефан невольно залюбовался ее грацией, сквозящей в каждом движении, когда Милорада, аккуратно отложила вышивку и встала, приподнимая кончиками пальцев подол

платья. На миг под ним показалась изящная щиколотка, заставив сердце биться чуть чаще. Тонкие прохладные пальцы коснулись его протянутой ладони, одарили непрощенной мимолетной лаской.

– Куда вы меня поведете, господарь?

Длинные ресницы стыдливо опустились, бросая темные тени на щеки. Стефан, не удержавшись от соблазна, чуть крепче сжал ее ладонь, увлекая дальше от беседки, под сень больших деревьев.

– Я хочу показать Вам особенное место, госпожа.

Они бок о бок неспешно шли по дорожке.

– Оно принадлежало моей матери, когда та еще...

Милорада нежно тронула локоть Стефана.

– Вы скучаете по госпоже Анне? Я тоже, посмею признаться. Она была великой женщиной, очень чуткой, внимательной и заботливой. О такой матери можно только мечтать...

Стефан не мог не согласиться. Уже три года, как лихорадка унесла мать с собой, а он так и не смирился. Анна Дечан, урожденная дочь болгарского короля, была самой великолепной женщиной, и он не представлял даже, что кто-то бы мог сравниться с ней.

Тем временем за беседой, они и не заметили, что добрались до южной части сада, даже сейчас, на пороге осени, утопающей в цветах.

– Мама собственноручно сажала эти розы, каждый куст. И теперь они цветут до самых морозов, чувствуете какой запах?

Милорада склонилась над кустом, усыпанным темно-бордовыми крупными цветами, вдохнула сладкий аромат.

– Действительно, просто божественный запах. Спасибо Вам, мой господарь, что привели полюбоваться садом своей матери.

Она выпрямилась, прижала к груди руки, и улыбнулась. Стефан сделал шаг к ней, потом еще один и улыбнулся в ответ.

– Здесь мне кажется, что матушка все еще рядом. И я бы очень хотел, чтобы именно в этом месте, вы ответили мне на один вопрос.

Девушка вдруг прерывисто вздохнула, ее ладонь скользнула к горлу, словно воздуха не хватало, и она ожидающе уставилась на господаря. В глазах читалась и надежда, и недоверие, и страх, поэтому Стефан не стал тянуть с объяснениями, решив, что время и место наиболее подходящие.

– Госпожа Милорада Неманич, я знаю о существовании договора между нашими семьями, но хочу услышать и ваш ответ. Вы окажете мне честь и станете моей супругой?

Тишина в ответ. И внезапно в уголках голубых глаз задрожали слезы. Милорада судорожно вздохнула, будто воздуха не хватало, и протянула к молодому человеку руки.

– Да! Сто, нет, тысячу раз – да! О, Стефан! Я так счастлива!

Господарь склонился над ее ладонями, целуя тыльные стороны и невольно заражаясь ощущением счастья, что волнами исходило от Милорады. Кажется, идея с браком была все же удачной... Красавица – невеста рядом, а за ее спиной – власть, сила и влияние. Редкое сочетание удовольствия и пользы.

– Тогда я предлагаю отправиться немедленно к правителю, чтобы он послал вестника к вашему отцу, госпожа.

Стефану внезапно подумалось, что стоило бы лучше подготовиться и преподнести невесте подарок, возможно, какую-то драгоценность с сапфирами, под цвет глаз? Но ввиду отсутствия времени, пришлось выходить из ситуации на месте. Господарь протянул руку к кусту

белоснежных роз, с тонкими шелковистыми лепестками, и сорвал один цветок, подавая его Милораде с поклоном.

– Вы гораздо прекраснее этого бутона, но пусть он станет свидетелем нашей помолвки!

Девушка подношение приняла, осторожно коснулась нежных лепестков, и взяла Стефана под локоть.

– Вы мне льстите, государь. Идемте, не терпится объявить всему свету, что я стала вашей невестой!

Они удалялись от сада, и не заметили, как в густой кроне дерева, уже тронутого увяданием осени, за обоими следят желтые глаза, сверкнувшие на свету кусочками янтаря.

Если бы кто-то в этот момент поднял голову, то мог бы счесть наблюдателя дурным знаком, однако свидетелей не было, поэтому неожиданный пришелец остался всего лишь темной вороной, что пряталась в тени листвы.

Колесо событий качнулось, сдвигаясь с мертвой точки и запуская череду явлений, которые либо приведут к гибели мира, либо станут его долгожданным спасением...

В тронном зале ничего не изменилось. Тот же полумрак, то же кресло и сидящий на нем старик в дорогом платье.

– Сын? – правитель чуть приподнялся, видя, как через приоткрытые двери входит его наследник, ведущий под руку красавицу Милораду. – Неужели наш парк настолько плох, что вы готовы променять его на общество старика?

Милорада смущенно опустила ресницы, теребя длинный рукав платья, а Стефан хохотнул, расслышав в голосе отца сарказм. Правитель был умен и по праву занимал трон, но это не отрицало любви каждого пожилого человека к вниманию и лести.

– Ну что ты, отец! Я всегда нахожу истинное удовольствие в беседах с тобой, но именно сейчас нас привела к тебе прекрасная новость, которую хочется разделить с самыми близкими.

Стефан улыбнулся, погладил незаметно тонкие пальчики невесты, чуть дрожащие в его ладони. Волнуется, бедняжка, как птичка, пойманная в силочку и еще не осознавшая, что ее ждет клетка, а не свобода.

– И что же это за новость? – голос правителя был прохладен и спокоен, но Стефан разглядел хитрый блеск в глубоко запавших глазах.

– Я просил руки госпожи Милорады Неманич и она ответила мне согласием.

Правитель округлил глаза, словно в изумлении, и протянул руки к смущенной девушке, предлагая подойти поближе.

– Ах, моя дорогая! Как же я рад, как счастлив!

Милорада осторожно высвободила пальцы из ладони Стефана и двинулась вперед. Молодой государь невольно вновь залюбовался. Стройная фигура, талия, подчеркнутая поясом, украшенном золотыми вставками. А уж походка... Словно не идет, а парит над полом, не касаясь его ножками в расшитых золотой нитью башмачках. Светлые косы, перевитые жемчугом, спускаются ниже талии. Красива Милорада Неманич, очень красива.

И пока Стефан разглядывал ее спину, девушка достигла трона и аккуратно опустилась на колени, выражая почтение и заботясь, чтобы правитель не вставал и не задира голову. Нежные ладони легли в протянутые руки Стефана – старшего.

– Я тоже рада, мой господин. Клянусь, я буду хорошей женой вашему сыну, до последнего его часа.

Девушка ласково улыбнулась. А правитель засмеялся.

– Конечно, дорогая невестка. Будь я немного помоложе, возможно, у моего сына не осталось бы шанса.

Все трое засмеялись, а потом правитель кивнул девушке. – А теперь позволь мне поговорить с сыном. А тебе нужно сменить платье, вечером мы устроим пир, на котором и объявим всем придворным о вашей помолвке.

Девушка поняливо кивнула, склонилась к рукам правителя, целуя их и легко поднялась на ноги.

– Увидимся позже?

Взгляд синих глаз скользнул по молодому господарю, и он не отказал себе в удовольствии коснуться губами ее запястья на прощание. На щеках Милорады тут же расцвел румянец, и девушка поспешила выйти. А Стефан обернулся к отцу.

– Видишь? Я выполняю твою волю. Я женюсь на ней.

Правитель усмехнулся, откинулся на спинку трона, и скрестил на груди руки.

– Звучит так, словно ты был не рад.

Стефан прошелся по залу, заложив руки за спину.

– Как ни странно, но нет. Выходя от тебя, я не собирался этого делать. Но взглянул на нее иначе, когда мы беседовали в саду. Милорада добра, красива, покорна, умна. Она так говорила о моей матушке, с таким искренним состраданием... Думаю, я смогу полюбить ее со временем.

Правитель довольно ухмыльнулся.

– Видишь? Иногда просто нужно внимательнее присмотреться и не настраивать себя на отрицание. Мы зачастую не смотрим на людей рядом, а стоило бы заглянуть поглубже. – старик покачал головой и прикрыл глаза. – Иди, сынок. Готовься к празднику. А я отдохну немного.

Стефан поклонился, но на пороге опомнился и обернулся.

– Отец, ты пошлешь гонца к Неманичу? Или мне самому написать письмо?

Правитель помолчал, обдумывая вопрос, а потом взглянул на сына.

– Будет лучше, если после праздника вы вместе с Милорадой отправитесь к ее отцу сами. И там, на месте, ты решишь все наши вопросы лично.

На этом правитель махнул рукой, давая понять, что разговор завершен. Стефан тихо вышел и велел слугам не беспокоить отца до пира.

А вечером грянул праздник. Во главе стола, по обе руки от правителя сидели Стефан и Милорада, раскрасневшиеся от всеобщего внимания. К этому моменту молодой господарь, наконец, сходил в покои матери и преподнес невесте дар – браслет из червонного золота с редкой красоты крупными сапфирами. И теперь видел, как Милорада то и дело касается его пальцами, словно не веря, что украшение принадлежит теперь ей. Лилось вино рекой, звучали торжественные речи, столы ломились от еды, играла музыка.

– Сынок... – голос правителя прорвался сквозь другие, заставляя Стефана повернуть голову. Отец был бледен, и на лбу выступила испарина. – Я пойду в свои покои, прилягу. Стар уже стал для длинных застолий.

Двое слуг тут же подскочили, помогая господину подняться, и увели его отдыхать, а Стефан, пользуясь случаем, подсел к невесте.

– Госпожа моя, довольны ли вы пиром?

Милорада кивнула, с улыбкой поднимая свой кубок.

– Я счастлива, мой господарь. И стану еще счастливее, когда вы назовете меня не госпожой, но супругой. Кстати, гонец к отцу уже отбыл? Я бы хотела передать с ним письмо.

Стефан улыбнулся, накрывая рукой ее ладонь и в который раз поразился нежности и прохладности кожи.

– Все еще лучше. Нет нужды передавать письма, потому что утром мы с вами вместе отбудем к вашему отцу.

Милорада удивленно приподняла бровь, но тут же улыбнулась засияв.

– Как это чудесно! Вы делаете меня счастливее с каждой минутой.

Пир подошел к концу, когда было выпито все вино, а музыканты охрипли и больше не могли держать смычки в онемевших пальцах. Яркая стайка придворных леди окружила счастливую невесту, увлекла ее за собой, а Стефан вышел в сад, вдыхая прохладный воздух. От выпитого немного кружилась голова, но на ногах он держался твердо. Внезапно внимание привлек свет факелов, пробивавшийся между деревьев, и резкие, встревоженные голоса. Господарь нахмурился и быстрым шагом направился к источнику шума. В дальней части сада, где цвели матушкины розы, двое служащих о чем-то возбужденно переговаривались и вдруг замолчали, едва в круге света возник господарь.

– Что за ночные бдения? Неужели ваше жалованье так велико, что слуги моего отца забывают спать? – Пошутил Стефан, но, заметив встревоженные лица, замолчал и спросил через секунду уже другим тоном: – Что произошло?

Садовник побледнел, крепче сжимая факел в руке, а его напарник вдруг бросился в ноги господаря.

– Не казните, ваша милость! Мы не понимаем, как это произошло, еще утром все было прекрасно, а сейчас...

Стефан не сразу сообразил, что случилось, переводя взгляд с одного на другого. Верно распознав его замешательство, садовник повел факелом, свет упал на пышный розовый куст. В дрожащем свете пламени розы казались почти черными, но когда он пригляделся, склонился ближе, то понял, что они и впрямь почернели, разом увяв. В ноздри ударил запах гнили и тлена.

– Как же так? Это были любимые матушкины розы... Мы разговаривали здесь утром с госпожой Милорадой, и ни один лепесток не был засохшим.

Садовник мелко трясся, не в силах найти причины этого происшествия... А над садом висела долька местной надменной луны на закуску.

Стефан тяжело вздохнул. Если отец заметит... Он и так сдал в последнее время, а увидит такое, может и совсем слечь.

– Выкорчевывайте погибший куст. Где-то там, в глубине есть похожий, пересадите его на это место. Пусть розы помельче, но будет не так заметно. – Приказал, глядя на садовника. – Я вернусь из поездки, и мы разберемся, в чем причина. Может быть, какие-то насекомые...

Оставив слуг замечать следы происшествия, господарь отправился в свои покои, и по пути приказал личному помощнику разбудить его едва заря окрасит небо. До отъезда нужно было еще многое сделать.

ГЛАВА 2

Утро наступило так быстро, что Стефану казалось, что он только коснулся головой подушки, а над ним уже склонился слуга, отодвинув подальше чадающую масляную лампу.

– Вставайте, господин. Уже рассветает.

Стефан потянулся, мечтая только о том, чтобы зарыться под одеяло и послать к чертям всех и вся. Но ведь это был его приказ, так что пришлось подниматься. Слуга подал кувшин теплой воды, чтобы умыться, потом льняное полотенце. Спустя полчаса gospodarь, ежась от утреннего холода, уже был на конюшне, и лично седлал жеребца. Им предстояло ехать в карете – новомодной повозке, прикрытой от непогоды стенами и крышей, но отказаться от сопровождения любимого коня Стефан не мог. Черный Шторм – подарок отца на тринадцатилетие, был его лучшим другом и верным спутником. Кроме того, он знал, что в карете нещадно трясет, поэтому предпочитал перестраховаться. К моменту, как на пороге появилась Милорада, одетая в дорожный наряд, все было готово.

– Прошу, моя госпожа. – Стефан подал девушке руку, помог спуститься со ступенек, и подвел к карете, дверь которой уже была распахнута.

– Мы поедем в этом? – Милорада как будто не обрадовалась, но покорно поднялась в повозку, занимая место на узкой лавке, покрытой сукном. Стефан устроился напротив. Их отряд состоял всего из пяти стражников, кучера, и троих слуг – меньше людей, быстрее доберутся. Под лавками внутри кареты расположились сундуки с личными вещами господ и подарками для семьи невесты. Отряд тронулся с места, карета скрипнула, поехала и закачалась на дороге.

– Вы не хотели путешествовать так? – Стефан проявил вежливость, видя, как побледнело лицо Милорады в сумраке кареты. Плотные шторы не давали свету проникать внутрь, и создавали некую иллюзию уединенности.

– Нет, ну что вы, мой господин! Просто я не слишком люблю замкнутые пространства. – Невеста улыбнулась, глядя в лицо будущего мужа, и Стефан вдруг почувствовал, как словно проваливается в глубину синих глаз, тонет в них. Воздуха перестало хватать на миг и вдруг все исчезло, стоило девушке опустить ресницы.

Карета уже давно катилась по дороге. Ровная, вымощенная закончилась час назад, и теперь повозку качало сильнее, заставляя вцепляться в специальные ремни, предназначенные как раз в качестве помощи при тряске. Разговаривать было решительно невозможно, и Стефан с невестой большей частью молчали, перекидываясь незначительными фразами. Пейзаж за окном менялся с той неторопливой неотвратимостью, которая сопровождает любую поездку. Рощи плавно перетекли в поля, поля сменились густым еловым лесом, создавшим глубокий сумрак даже в самый солнечный день. Лошади двигались вперед, стража негромко переговаривалась, когда в лесу раздался переливчатый волчий вой.

– Что это? – Милорада снова побледнела, изо всех сил вцепившись в кожаную петлю. Стефан прислушался к голосам стражников, что спешно перестраивались по ходу движения, чтобы взять карету в кольцо. Кучер хлестнул вожжами, подбадривая лошадей.

– Смотрите, смотрите! – голоса стражи сливались в один, в них звучала тревога, и Стефан отдернул шторку в сторону. На фоне темнеющих деревьев по обочине скользили серые тени. И снова громкий волчий вой огласил округу.

– Обратни! – в голосе Милорады звучал такой неподдельный ужас, что Стефан невольно отвлёкся от происходящего за окном и повернулся к ней. Миловидное лицо девушки сейчас казалось застывшей маской, а в глазах плескался страх. – Они нас убьют! Меня убьют!

Милорада вдруг подалась вперед, ее пальцы с такой силой сжались на запястье Стефана, что тот невольно вскрикнул – ощущение было, будто рука попала в стальной капкан, а не находилась в плену женской ладони. А оборотни торжествующе выли, сжимая все уже круг и чуя скорую кровавую жатву.

Стража уже оцетинилась оружием, продолжая безумную скачку в тщетной попытке скрыться от стаи, но все решил слепой жребий судьбы. Послышалось истошное ржание лошади, карета вдруг резко денулась вперед, но тут же замедлила ход, а потом и совсем остановилась.

– Господарь! – один из стражников рванул дверцу кареты, распахивая ее настежь. – Дорога перегорожена упавшим деревом, дальше хода нет.

Руку Стефана обожгло вдруг новой резкой болью, потому что ногти Милорады вонзились в кожу, оставляя кровавые лунки.

– Сделай что-нибудь, спаси меня!

Безумный взгляд, растрепанная прическа – сейчас невеста ничем не напоминала ту утонченную сиятельную леди, которой представляла еще утром.

Господарь кивнул. В конце концов это его священный долг – оберегать женщину от опасности, и обернулся к стражнику.

– Какие у нас шансы?

Тот покачал головой.

– Невысокие. Мы насчитали семнадцать волков, а сколько еще может приближаться, никто не знает. Будем стараться отбиться, господарь, но вам лучше попробовать уйти верхом.

В этот момент раздалось рычание, а следом и крик боли – оборотни пошли в атаку.

– Вы хорошо держитесь в седле? – Стефан обернулся к Милораде, готовый приводить ее в чувство, если потребуется, но девушка, хоть и стучала зубами от страха, уже перестала напоминать сумасшедшую.

– Прилично. Что нужно делать? – голос Милорады все еще дрожал, но держалась она гораздо лучше, чем Стефану могло показаться минуту назад.

На улице слышались звуки схватки, рычание, возгласы и вдруг что-то тяжелое ударило в бок кареты, заставив ту опасно накрениваться. Милорада вскрикнула и тут же зажала рот ладонью, боясь что ее услышат.

– Схватка кипит справа. Значит, мы попробуем выбраться слева. Когда я скажу – беги, поняла? – господарь чуть тряхнул девушку за плечи, дождался кивка и осторожно приоткрыл противоположную дверцу, оглядывая лес. Вроде бы никого? Стефан соскользнул со ступеньки, обнажил саблю, и протянул назад свободную руку, помогая выбраться невесте. Карету снова встряхнуло, послышался человеческий крик боли, сменившийся невнятным бульканьем – оборотни не собирались никого щадить.

Господарь приложил палец к губам, призывая девушку не шуметь, и, стараясь ступать как можно тише, двинулся к козлам, где впряженные лошади ржали и перебирали ногами, не в силах выбраться из капкана – их пугал густой запах крови, повисший в воздухе, звон оружия и тяжелый звериный дух. Кучер был мертв. Его тело обмякло на сидении, залитое кровью, и Стефана на секунду замутило от этого зрелища. Решение пришло мгновенно. Сабля наотмашь рубанула по шлее, соединяющей животных с каретой, и освободила одну из лошадей. Перевес в силах явно клонился в сторону стаи, люди заняли оборонительную позицию,

но сколько они еще смогут продержаться? Стефан оглушительно свистнул, подзывая Шторма к себе. Он очень надеялся, что стражники догадались перерезать повод, который сдерживал скакуна рядом с обозом. К сожалению, свист привлек внимание не только коня, но и оборотней.

Стефан обернулся ровно в тот момент, когда огромный серый зверь перемахнул через карету, приземлился на четыре лапы прямо перед Милорадой, все еще стоящей на месте, и круто развернулся, оскалив зубы. Девушка держала в руках совсем крошечный кинжальчик, выставив его вперед, словно это могло защитить от клыков зверя. В следующий миг все слилось воедино. Оборотень сделал движение, девушка пыталась уколоть его кинжалом, и челюсти волка сомкнулись на ее запястье. Стефан бросился обратно, взмахивая саблей, и лезвие с силой рубануло по мохнатому боку. Шерсть тут же окрасилась красным, зверь завыл от боли, клыки разжались и он замотал головой.

– Сюда! – Стефан еще раз взмахнул саблей, нанося новый удар, а Милорада змеей скользнула в просвет, оказываясь вне предела досягаемости волка. Прокушенное запястье прикрыл длинный рукав платья. – Быстрее!

Господарь медленно двигался спиной вперед, не сводя взгляд с раненного оборотня, и увидел, как из-за кареты выходят еще двое, бесшумно ступая лапами по земле.

– Стефан! – пока он следил за противником, Милорада уже ловко подняла длинный подол, легко забралась на спину освобожденной лошади, подбирая упавшие поводья. – Скорее!

И именно в этот момент в наступающих оборотней врезался черный жеребец, разбрасывая волков в разные стороны.

– Шторм, ко мне!

Господарь умел запрыгивать в седло на ходу и сейчас благодарил всех богов, что приказал полностью оседлать коня, предполагая часть пути проделать на его спине. Ему потребовались ровно три секунды, чтобы вцепиться в луку седла, подтягиваясь, и оказаться сидящим верхом.

Тем временем на крышу кареты забрался тот самый стражник, с которым господарь разговаривал не более десяти минут назад. Лицо воина было залито кровью, но на ногах он стоял уверенно.

– Скачите, господарь! Я постараюсь их задержать.

У стражника в руках блеснул тяжелый арбалет и в волков полетел первый болт. Сколько у них времени до того момента, пока он свалится с крыши или пока не закончатся болты? Минута? Две? Пять? Слишком мало. Надо было бы помочь, но Стефан понимал, что не в праве рисковать жизнью Милорады, поэтому он хлестнул коня, посылая его вперед.

Ветер бил в лицо, низко свисающие ветви хлестали по глазам, выбивая слезы, но несущийся сзади волчий вой не позволял даже на йоту сбавить скорость, давая отдых лошадям. Стефан поглядывал на Милораду, которая прильнула к шее своей кобылы, пряча лицо от ветвей. Справа мелькнула почти незаметная просека, уводящая вглубь леса, и господарь потянул за поводья.

– Туда!

Кони круто свернули, комья земли полетели из-под копыт, и помчались дальше, стремясь оказаться как можно дальше от преследователей. Сколько могла бы продолжаться эта безумная гонка? На сколько хватит сил у лошадей, до тех пор как они не начнут спотыкаться и хрипеть, сбавляя скорость? Пока позади было тихо. Возможно, стражнику удалось и впрямь задержать оборотней, а, может, те тоже устали, догоняя сначала карету, а теперь преследуя беглецов. Мимо мелькали деревья, сливались порой в сплошную зеленую стену. Наконец, Сте-

фан сделал невесте знак замедлить движение, натягивая поводья и чувствуя как бока Шторма ходят ходуном.

– Дальше шагом.

Куда им теперь? От преследователей они пока оторвались, но рано или поздно оборотни настигнут свою добычу. Кроме того, господарь совершенно не представлял, в какую сторону им теперь двигаться, потому что в пылу безумной скачки он не следил за направлением, а вокруг был только лес.

– Покажи рану. Он сильно тебя?

Господарь повернул голову к Милораде, та приподняла рукав, показывая багровую отметину от зубов. К его удивлению, та уже не кровила, запекшись. Девушку трясло, губы кривились – она явно сдерживала рвущиеся наружу рыдания. Стефан протянул ей платок, предлагая хотя бы так прикрыть рану, и попытался приободрить, сам не веря в свои слова.

– Мы выберемся, обязательно.

Милорада кивнула, но и в ее глазах уверенности не было.

Лес же становился только темнее и гуще, представлять, как они будут плутать тут в темноте, не хотелось. Внезапно девушка вскинула голову.

– Я слышу голоса.

Стефан удивленно повернулся. Сам он не различал ничего, кроме скрипа стволов и обычных лесных шорохов, и на миг ему показалось, что у невесты на фоне нервного потрясения могли начаться видения, но та уже решительно взялась за поводья здоровой рукой, направляя лошадь куда-то между деревьев. Что ж, в любом случае это направление было не хуже других, как говорится, из двух меньших зол можно выбрать и третье, даже если оно – всего лишь иллюзия.

К его изумлению, уже через несколько минут ноздрей коснулся горьковатый запах дыма, а это означало только одно – рядом действительно есть поселение. А чуть позже уже и господарь разобрал приглушенный гомон голосов, и уважительно посмотрел на сосредоточенную невесту – надо же, какой тонкий слух – в одиночку он мог еще долго плутать по лесу, так и не наткнувшись на людей. Деревья поредели, в просвете мелькнули повозки, составленные в центре большой поляны кругом. Все громче звучала гортанная речь, запахло горячей похлебкой, костром, лошадиным навозом.

– Это цыгане... – не веря своим глазам, шепнул Стефан, и направил коня вперед, к границе табора. На звук движения выглянул чумазый мальчишка из кибитки, глаза которого округлились, и он кубарем скатился на землю, припустив куда-то к центру стоянки, только пятки сверкнули.

– Мы заблудились в лесу, госпожа ранена. – Стефан заговорил громко, чтобы не пугать людей и не получить шальной арбалетный болт в горло, потому что незваных гостей из леса никто не любит, мало ли какая нечисть прикидывается человеком. А уж про сколько случаев он сам слышал, что просится бедняк на постой, а потом оборачивается упырем или чем похуже, съедая без остатка тех, кто проявил жалость. – Мы просто люди.

На его голос высовывались из кибиток смуглые люди, настороженно глядя на пришельцев. А от центра поляны уже спешил пожилой, но крепкий цыган в яркой желтой рубашке и жилете, расшитом бусинами и лентами.

– И что же вас, добрые... люди, завело в такую глушь?

Судя по тому, что больше никто голоса не подал, цыган был предводителем табора, а значит только он имел право решать, предоставлять приют путникам, или отправить их обратно

в лес. Господарь вздохнул, бросил быстрый взгляд на бледную Милораду, что поджала губы, глядя куда-то вдаль.

– Мое имя – Стефан Дечан. Я...

Договорить он не успел, послышались взволнованные шепотки среди таборных, которые все прибывали и толпились у кибиток:

– Господарь, Господарь... Сыночек старого Дечана... Да не может этого быть, что ему делать здесь?

Цыганский барон поднял руку, призывая всех к тишине. И усмехнулся.

– И что же завело тебя, господарь Стефан в наши края? Да еще и со знатной леди. Неужто надоели дворцы и палаты? Захотелось воздуха свободы вдохнуть?

Милорада вдруг покачнулась в седле, закрыла глаза, и Стефан спрыгнул с коня.

– Мы следовали к родителям моей сиятельной невесты, но подверглись нападению стаи оборотней. Только нам удалось уйти от погони. Госпожа ранена, я прошу у вас приюта и помощи.

Барон прицокнул языком, словно удивился тому, откуда знатный господарь знает правильные слова, но кивнул, хитро улыбнувшись вдруг.

– Ну что ж, сможете войти – получите и приют, и помощью. Слово ромала.

Господарь удивился, потому что никакой преграды не видел, но протянул руки, чтобы осторожно снять обессилившую невесту с лошади. Милорада прижалась к нему всем телом, обвила ледяными руками за шею. Белокурая головка опустила на его плечо.

– Я не могу идти...

Ее голос шелестел так тихо, что Стефан едва разобрал слова, но только крепче прижал девушку к себе.

– Я отнесу тебя. Здесь нам помогут.

И сделал шаг вперед.

Ноги вдруг увязли в сгустившемся воздухе, словно что-то не желало пропускать господаря в круг, но он подался вперед, прорываясь внутрь, не позволил изумлению промелькнуть на лице, и вдруг увидел, как расслабляются цыгане. Барон же улыбнулся еще раз куда приветливее.

– Добро пожаловать в табор «Вольный», молодой господарь. Идите к моему шатру, там вам будет удобно.

Мужчина повернулся спиной, предлагая двигаться за ним, Милорада в руках Стефана только вздохнула от облегчения, когда господарь зашагал следом.

Практически в центре лагеря расположился большой шатер, словно весь состоящий из разных лоскутков. Но по мере приближения стало понятно – это заплатки, коих было так много, что первоначальный цвет ткани уже и не угадывался, полог был откинут в сторону. Рядом с ним переминался с ноги на ногу давешний мальчишка, сгорающий от любопытства.

– Прошу.

Барон сделал приглашающий жест, и Стефану пришлось немного пригнуться, чтобы войти.

Простая обстановка – стол в центре шатра, за тонкой занавесью скрывалась кровать, у полотняной стены – сундук с резной крышкой. Господарь явно замешкался, но барон указал ему на сундук, предлагая устроить девушку прямо на нем, а сам, опустил сначала входной полог, а после и сел, опираясь локтями на стол.

– Что же с вами случилось, Господарь?

Стефан устроил невесту на широкой крышке сундука и обернулся.

– Наш отряд попал в засаду оборотней. Стража погибла, но дала нам возможность спастись, на ваш табор мы наткнулись случайно. Моя невеста ранена, у вас есть кто-то, кто может оказать ей помощь?

Барон постучал пальцами по столу, а потом вдруг громко крикнул:

– Богданко! Сюда пооди, поганец! Слышу же, как ты сопишь у входа.

Полог шевельнулся, внутрь просунулась всклокоченная голова мальчишки.

– Я не сопел, Баро! Просто подумалось, может тебе что понадобится?

Глаза его бегали, видимо, цыганенок сам не особо верил собственному неумелому вранью. Барон усмехнулся.

– Шувани позови, быстро. Господа хотят ее видеть. Да пошевеливайся, слышишь?

Мальчик кивнул и пропал, только за стенкой раздался частый топот, когда он понесся прочь.

Цыганский табор под красивым названием «Вольный» расположился в удобной низине между высокими соснами, царапающими верхушками небо.

Совсем молодая цыганочка, разложив на камнях пышную юбку, торопливо зашивала яркий передник, щедро украшенный бусинами и лентами, и недовольно прикусывала розовые губы. Успеть бы пока совсем не стемнело... Низкие, тяжелые тучи летели по небу, бледное солнце скрывалось за ними.

Цветные кибитки, перезвон монисто да горящие костры. Звучала быстрая речь, похожая на журчание ручья, слышались переливы музыки...

Для цыган не было лучшего дома, чем лес. Не было прекраснее доли, чем бесконечная дорога, ведущая каждого из табора за собой. Однажды и ее, совсем еще девчонку, подхватила эта дорога, закружила перекрестками, запутала поворотом.

Словно вчера босоногая цыганская детвора с веселым хохотом бегала по мелководью быстрой говорливой речушки, бросалась камешками в толстых коричневых лягушек, с жаром заявляя, что это – нечисть, а они все – сильные и смелые колдуны и колдуньи, которые побеждают всех и вся одним взмахом руки.

Веселье прервалось, когда на берег вышла, кутаясь в яркую цветную шаль, высокая женщина, чьи темные косы уже серебрились нитями седины.

– Тетка Рамина! – мальчишки тут же бросили камни, вытерли грязные ладони о штаны, и обступили женщину, дергая за юбку.

– Расскажи сказку! Расскажи!

Гомон голосов сливался в один, требуя волшебной истории, и только самая маленькая девочка, чьи тоненькие косички горели на солнце жарким пламенем, отступила, одернула подол слишком короткой латанной рубашки, порванной по плечевому шву и неумело зашитой кривоватыми стежками.

Именно эта девчонка и привлекла внимание цыганки.

– А ты что же не подходишь? Неужто не хочешь послушать сказку?

Рамина знала, что малышка – сиротка, приبلудная былинка, подобранная добрым Баро на ярмарке, где ребенок просил милостыню, сидя под стеной дома в грязи.

– Как тебя зовут, девочка?

Рамина присела на корточки, с улыбкой глядя на сиротку. Та насупилась.

– Илка. Так мама называла, когда еще не заболела... – в зеленых глазах задрожали слезы, но девочка прикусила губу, стараясь сдержать их.

– Ну какая же ты Илка. Яркая такая, как огонек... – Рамина поманила девочку к себе, чтобы потрогать косичку, перекинутую на грудь, кончиками пальцев. – Я буду звать тебя Кхамали. Твое имя – твоё племя. Пойдешь ко мне в ученицы?

Девочка все еще хмурилась, но когда услышала предложение, брови ее поднялись, выдавая удивление.

– А что надо будет делать? Убирать у вас дома? Стирать белье?

Кажется, о работе служанки четырехлетняя малышка знала не понаслышке. Рамина покачала головой.

– Нет у нас домов. Мы же вольные люди. Куда дорога ведет, туда и идем. Для ромала весь мир – дом. А ты сильная. Я вижу, как тлеет внутри тебя огонь. Станешь моей ученицей – и засияет он жарким костром. Сможешь судьбу предсказывать, сможешь видеть чужие пути-дороги. Сможешь беду отводить от людей. Так хочешь? Или я пойду?

Дети не вмешивались, не понимая, что такого тетка Рамина нашла в этой маленькой девочке. Да она, наверно, и сама бы не смогла ответить на вопрос, но ощущение правильности не отпускало. И девочка медленно кивнула, вкладывая в протянутую руку цыганки свою мокрую, грязную ладошку.

– Хочу. Я правда стану сильной колдуньей?

Рамина только усмехнулась, набросила на худенькие детские плечи свою шаль и увела ее к шатру барона, тогда еще не старого совсем.

– Баро, я беру эту девочку к себе. Буду учить. Теперь ее зовут Кхамали.

Так, бедная сиротка Илка бесследно растаяла где-то среди лесов и полей, а на свет появилась воспитанница цыганской колдуньи, Кхамали. Потекли годы обучения. Цветные карты, ложась на стол рубашками вниз, обретали голоса, рассказывая о судьбах тех, кто приходил к колдунье. Нет, к шувани. Кхамали уже привыкла, что шувани не только колдунья. Она та, которая оберегает табор. Та, которая лечит, к которой идут за советом и с просьбами. Та, которая знает все секреты еще до того, как они звучат вслух. Ромалы называли их знающими и бесконечно уважали за способности.

Кхамали училась разбираться в травах, училась слушать дороги и видеть внутреннюю суть людей, училась всему, впитывая знания как губка. Рамина заменила ей семью. Была мудра как бабушка, добра как мать, весела как старшая сестра. Со временем воспоминания о родной семье стерлись из памяти девочки, и она, не будучи цыганкой по крови, стала ей по духу.

Только вот наставница несколько месяцев как ушла по лунной дороге туда, где сияют небесные костры, сгорела за несколько дней от лихорадки, что превратила цветущую женщину в седую высохшую старушку. Не помогли ни отвары, ни заговоры, ни амулеты... Табор похоронил ее на опушке леса, да ушел дальше. Отныне забота о людях лежала на плечах Кхамали.

– Кхамали!

Цыганка подняла голову от рукоделия, сверкнув из-под завесы медных кудрей зелеными глазами. Совсем еще юный ромал переминался с ноги на ногу, не решаясь подойти ближе.

– Чего тебе, Богданко? – она, для профилактики, строго глянула на мальчишку. А тот выдохнул и отбарабанил на одном дыхании:

– Баро зовет. Говорит – гости важные пожаловали. Наверно опять выгонять будут.

Последнее это, видимо, мысли самого ромала уже, а не слова Баро. Но идти надо. Девушка поправила рукав вышитого нижнего платья и легко поднялась. Позолоченные бусины на головном платке мелодично зазвенели.

– Беги, Богданко. Сама к шатру пойду.

И вздохнула. Шувани не бегают, они неспешно несут себя сквозь пространство и время, оставаясь вне всего – такова цена цыганской магии. Не знать ей ни тяжести замужества, ни радости материнства. Теперь она – якорь и проводник табора, его сила и путеводная звезда.

И что гости приехали – слыша, но не стала бежать к границе, опоясывающей лагерь. Раз прошли сквозь защиту – значит просто люди, а богатые или нет – не важно. Выгонят отсюда, не страшно. Мир большой, не этот лес, так другой приютят табор. Она набросила на плечи упавшую шаль, принадлежавшую еще наставнице и неторопливо пошла к шатру Баро, слыша, как тревожно вдруг зазвенели многочисленные браслеты что служили украшением тонких запястий.

– Звал, Баро? – голос оставался предельно спокойным, когда Кхамали откинула тяжелую полу, закрывающую вход в шатер.

– Здравствуй, знающая.

У предводителя табора уже пробивалась седина в черной как смоль бороде, но глаза смотрели ясно. А напротив него стоял... Кхамали заморгала, глядя на мужчину. Тонкая кость, темные волосы тяжелой волной спадают на красную котту с вышитыми узорами золотой нитью. В каждом движении сквозила грация дикого зверя. За его спиной жалась к полотняной стене девушка, богатое платье которой было запятнано грязью до самой талии.

– Это господарь Стефан и его сиятельная невеста, Милорада. Они путешествуют, на гос-пожу напали.

Кхамали подошла ближе к столу, сосредоточилась на словах Баро, но взгляд то и дело возвращался к гостям. Стефан едва заметно улыбался и рассматривал вошедшую девушку. Это вот эта пигалица – знающая? Да и непохожа она на цыганку. Рыжие волосы, кожа светлая. Ей бы подошел изумрудный переливчатый шелк платья, оттенивший цвет необычных глаз... Господарь помотал головой, отгоняя наваждение. Какое ему вообще дело до девчонки? Зато его спутница нервно вздрагивала, но неотрывно смотрела на то, как ведьма неспешно двигается по шатру.

– Кто же напал на господаря? Неужто перешел он дорогу кому? Или лихие люди польстились на богатство?

Шувани подошла ближе к Милораде, рассматривая ее.

– Что же у тебя болит, госпожа? Чем я могу тебе помочь?

Стефан уже открыл было рот, но в этот момент заговорила сама Милорада.

– Ты же знающая? Вот ты и скажи мне, что видишь.

К удивлению господаря, голос такой кроткой и нежной невесты сейчас так и сочился пренебрежением и брезгливостью. Неужели так повлияла на девушку погоня и потрясение? Даже он, будучи выше всех присутствующих по статусу, понимал, что здесь хозяева – цыгане. И если они откажут в помощи, то ждать им двоим неминуемой смерти в лесу.

Шувани же, будто не заметила тона госпожи, достала из потертого кожаного мешочка на поясе потрепанную колоду. Подумала и протянула ее на ладони девушке.

– Сдвинь.

Милорада неловко потянулась, тронула карты кончиками пальцев и отдернула руку, словно обожглась о них, а Кхамали перевернула выбранную. На черном фоне над горящей кибиткой парила темная фигура с косой.

– Смерть. Она идет за тобой.

Стефан поднял руку и сделал знак, отгоняющий зло. И в этот момент в лесу завывали волки...

– Поди прочь!

Блондинка вдруг оттолкнула от себя шувани, и карты рассыпались по полу.

– Это они! – девушка была бледна до синевы, прижимая к груди руки.

– Они – это... – даже не вопрос, утверждение. Просто никто не желал произносить вслух слово «оборотни». Те, кто безраздельно царствует в лесах, те, кто однажды почуяв добычу, не остановятся.

Баро кивнул, вставая из-за стола.

– Они пришли за вами? – Кхамали торопливо собирала свои карты, присев на корточки. Стефан огляделся, словно ожидал, что оборотни ворвутся напрямик сюда, но за волчьим воем было слышно лишь, как цыгане торопливо загоняли детей в кибитки. – За нами. Это они напали на нас в дороге.

– Не за вами. За ней. – Шувани выпрямилась, убрала колоду подальше. Ее палец ткнул почти в грудь блондинки. – Вокруг тебя тьма. Внутри тебя смерть. Что за беду ты принесла к нам в табор?

Милорада задрожала, прижимая к себе руку. Рукав сполз, обнажился багровый след от укуса, и теперь уже Баро сотворил перед лицом знак, словно это могло отвести беду. В шатре повисла звенящая тишина, а вот за его пределами цыгане торопливо подбрасывали в костер побольше дров, женщины закрывали пологи кибиток, пряча детей.

– Это я привел сюда их, меня и вина.

Стефан протянул руку, собираясь коснуться плеча Кхамали, чтобы отошла подальше и не заставляла невесту нервничать, но та и сама отступила вдруг, круто повернувшись. Зазвенели бусины на платке, тонко заплакали золотые браслеты на запястьях шувани и она вдруг покачала головой, пристально глядя в глаза господаря.

– Нет на тебе печати тьмы, даже странно. Так что не бери на себя лишнего, не кликай беду.

Тем временем ближе подошел Баро. Внезапный порыв ветра ударил в тряпичный полог, заставляя его взметнуться, вскрикнула Милорада, отшатнулась назад, и едва не свалилась с сундука на котором сидела. Стефан тут же оказался рядом, поддержал невесту за плечи. Ледяные пальцы коснулись его ладони, заставляя опустить взгляд.

– Им не перейти границы нашего лагеря. Но и уйти они не смогут, пока вы здесь! – голос знающей был спокоен, зато Баро засуетился вдруг, старательно отводя глаза.

– Нам не нужны неприятности, господарь Стефан. Никто не думал, что вас так быстро найдут.

А Кхамали, отбросила назад косы, сделала шаг вперед. Ее пальцы коснулись груди Стефана.

– Она меченая! – голос шувани звучал тихо. – Смерть идет по вашим следам. Я вижу дороги, вижу пути. Все они обрываются под острыми клыками оборотней. Все, кроме одной. Эта тропка дрожит, она не путь – звериная стежка, которая может спасти.

Стефан смотрел в затуманившиеся глаза цыганской ведьмы и видел, как в них разгорается огненная круговерть. Странное зрелище, пугающее и завораживающее одновременно.

– Научи, как нам спастись? Я отплатю тебе золотом. Дам столько, сколько скажешь.

Но она словно не слышала его посулов. Потянулась и сняла с шеи простенькую медную подвеску – кругляш, с продетой в него веревочкой.

– Возьми, господарь. И не снимай его.

Стефан принял амулет, на миг коснулся ее пальцев и удивившись, какие они горячие. Или это просто показалось на контрасте с ледяными прикосновениями невесты? А шувани порылась в каком-то кошелье на поясе и протянула Милораде деревянный корешок, завязанный хитрым узлом.

– Спрячь на себе. Это на время сделает тебя невидимой для глаз оборотней.

Стефан отметил, как Милорада осторожно взяла подарок, натянув на ладонь рукав платья, и убрала его подальше, старательно завернула в носовой платок. Сам он такой предвзятостью и брезгливостью не отличался, сразу повесив амулет на шею, еще и спрятал за ворот, чтобы медный круг касался кожи – почему-то это казалось верным решением.

Тем временем барон переговаривался негромко с отошедшей к нему шувани, но едва господарь прислушался, его постигло разочарование: разговор шел на цыганском языке, которого он не понимал. Наконец, Баро кивнул, словно они пришли к какому-то решению, и вышел наружу, а шувани снова развернулась к господам.

– Вам нужно переодеться. Сейчас принесут вещи.

Милорада поджала губы, с отвращением оглядела наряд цыганки.

– Я такое не надену! Оно грязное!

Кхамали равнодушно пожала плечами, – Не надевай. Я тоже не в восторге от вашего пребывания здесь. Но хочу напомнить, что именно вы явились сюда незваными гостями и привели за собой беду. Наш долг гостеприимства уплачен – я дала вам то, что защитит обоих, и, если помощь грязных цыган больше не нужна... – шувани развернулась к выходу, но Стефан жестом вдруг велел невесте замолчать и шагнул вперед, не давая цыганке уйти.

– Прости нас, знающая. Слишком много потрясений, мы совсем забыли об уважении к тем, кто приютил и дал защиту.

Помедлив, он вдруг склонился, отчего невеста тихо ахнула в изумлении: господарь кланялся какой-то безродной девке, чья семья – бродяги и конокрады, а все богатство – медные косы и несколько золотых украшений.

Шувани усмехнулась.

– Ты умен и благороден, господарь. Что ж, твои извинения приняты. И запомни – всякая встреча всегда больше чем расставание.

В этот момент полог шатра снова откинулся, пропуская внутрь Баро, а следом за ним двух цыган помоложе, похожих друг на друга, которые несли в руках сложенную одежду.

– Это Лачо и Шуко, мои племянники. Хорошие воины. – в голосе барона звучала нескрываемая гордость, – Взались помочь вам, господарь.

Стефан благодарно кивнул.

– Они проводят нас в безопасное место?

Но Баро покачал головой.

– Нет. Но попробуют увести за собой погоню. Знающая?

Кхамали кивнула, указала на одежду.

– Господарь, тебе придется оставить свой плащ. Ну а тебе, госпожа, – лишиться платья. Думаю, это малая цена за возможность спастись, верно?

Господарь, без лишних вопросов и сомнений, сбросил дорогой плащ на пол, принял вместо него из рук Шуко другой, латаный, из серой грубой шерсти. Тем временем шувани подошла ближе к Милораде.

– Ты можешь переодеться там, – она кивнула на занавес, отделяющий часть шатра. – Я помогу тебе с платьем, если нужно.

Блондинка качнула головой, но колкостей больше тоже не говорила, то ли устыдившись, то ли просто опасалась гнева жениха. Молча подхватила цветные тряпки и скрылась за занавесом.

Тем временем Лачо уже набросил на плечи роскошный плащ господаря, погладил тонкую шерсть ладонью. А Шуко завистливо глянул на брата, понимая, что ему предстоит.

– Лачо, возьми, – Кхамали торопливо рассыпала светлый порошок по полотняным мешочкам, туго завязывая их, – В самом крайнем случае порви их, это даст вам несколько минут форы.

Цыган только кивнул, принял мешочки как величайшую ценность, и сунул их за пазуху.

– Спасибо, знающая.

Он словно хотел сказать что-то еще, даже шаг ближе к шувани сделал, но в этот момент вернулась Милорада. Ее платье небрежно упало к ногам Кхамали.

– Я готова. – Словно ни к кому не обращаясь, бросила в пространство блондинка, но ее спесь быстро угасла, когда в лесу вновь завывли волки, теперь уже ближе.

– Лачо, не теряйте времени. – Баро сам подобрал платье госпожи с пола, всовывая его кулем в руки племянника, и кивнул на выход.

– Господские кони готовы.

Стефан тут же вскинулся, растерянно глядя на цыган.

– Шторм? Это мой конь, я не могу с ним расстаться. Только не с ним, поймите!

Цыгане молчали. Это было похоже на очередной каприз. Не хочу отдавать платье, не отдам коня... Но внезапно заговорила шувани, глянула куда-то в сторону:

– Возьми Черныша, Лачо. Он похож на коня господаря, в темноте не различит даже оборотень. Он тебя знает, а господский и скинуть может.

Облегченно выдохнул Стефан, хотел было поблагодарить, но наткнулся вдруг на ледяной взгляд невесты и промолчал.

Братья споро подхватили вещи, выходя на улицу, где солнце уже село, а лес окутала густая темнота, разбиваемая только светом костров. Баро вздохнул тяжело, глянул на шувани:

– Они вернутся?

Та прикрыла глаза, но ответила через пару секунд:

– Вернутся. Им еще рано отправляться к звездам, Баро.

На удивление предводитель табора заметно успокоился и кивнул Стефану на выход.

– Вам тоже пора. Сейчас покажу, куда следует ехать.

Вчетвером они вышли на улицу, где Баро огляделся, прислушиваясь, и двинулся куда-то в темноту. В руку господаря вдруг вцепились холодные пальцы невесты, которая снова занервничала. Рядом же шагала и цыганка, бусины на ее одежде чуть слышно звенели.

– Пора, господарь.

Она вроде бы шла рядом, но тихий голос прозвучал так неожиданно вдруг, что Стефан вздрогнул. Пальцы Милорады сжались сильнее.

– Сейчас для оборотней вас словно нет. Сколько это продлится, я не знаю.

Кхамали кивнула на невесту господаря, которая жалась к нему, куталась в слишком тонкий выцветший плащ.

– Держитесь рядом. И скачите быстро. Так, как только сможете. Смотри.

Баро, словно дождавшись какого-то сигнала, развернул чуть господаря, заставляя его взглядеться в темноту. Где-то над лесом, там, где над горами еще не погасла полоса заката, зажглись вдруг огни.

– Это замок Бран. Вам нужно добраться туда.

Баро говорил тихо, вкладывая в руку Стефана поводья. Шувани плотнее запахнула шаль на груди.

– Поедете прямо, никуда не сворачивая. А как увидите дорогу – следуйте ей, она приведет к замку. И помните, что бы ни чудилось вам в лесу – не останавливайтесь, ни с кем не разговаривайте, не отвечайте на вопросы.

Господарь удивленно повернул голову.

– На чьи вопросы?

Глаза уже привыкли к темноте настолько, что он различал силуэты довольно хорошо. Кхамали повела неопределенно плечом.

– В лесу много кто живет.

Вместо Стефана вдруг заговорила Милорада:

– Мы поняли, не станем.

Внезапно тишину пререзал волчий вой, удаляющийся куда-то в сторону. Кхамали торопливо оглянулась.

– Скорее, скачите. Лачо с братом выиграет вам немного времени...

Господарь посадил невесту в седло, легко вскочил на Шторма сам и дернул поводья.

– Спасибо вам! Даст Бог – встретимся еще.

Двое всадников сорвались с места и исчезли в густом лесу, только удаляющийся топот копыт еще слышался какое-то время.

ГЛАВА 3

А в этот момент, где-то с другой стороны от табора, удалялись от стоянки двое. Вился по ветру в лунном свете богатый синий плащ, безжалостно стегала лошадь всадница в роскошном платье, чей подол был подоткнут.

За ними, скользя серыми тенями между деревьев, следовали оборотни, сверкая в темноте янтарными глазами. Все ближе слышался волчий вой – погоня стремительно настигала добычу, зажимала всадников в кольцо.

– Думаешь, они нас сожрут? – крикнул один, сквозь свист ветра. Его спутница только дернула плечом, то ли соглашаясь, то ли сомневаясь.

– Пр-р-р-риехали! – рык оборотня и блеск клыков прямо перед мордой лошади сработали не хуже выстрела. Конь взвился на дыбы, его примеру последовал и второй, сбрасывая всадников на землю. Гигантские волки с радостным воем ринулись вперед и замерли.

Перед ними были не Стефан и его невеста, а двое цыган, один из которых кокетливо поправлял подол синего платья, от падения задравшийся чуть ли не до ушей. Второй сбросил на землю дорогой, шитый золотом плащ господаря Стефана.

– Сюр-р-р-рприз! – он попытался повторить рычание оборотня, одновременно с этим вынул из-за пояса саблю, сверкнувшую в свете луны, что прорвалась сквозь тучи.

– Кажется, они хотят нас убить, – одетый в платье цыган сделал шаг назад.

– Может, нет? – второй тоже медленно отступал, надеясь на ствол дерева, к которому можно прижаться спиной.

– Глянь, как плотноядно смотрит... – они продолжали переговариваться, пользуясь растерянностью стаи, – Тут два варианта. Или хочет сожрать, или просто сражен моей неземной красотой...

Оборотни все еще не могли поверить глазам. Запах от одежды шел знакомый, именно тот, что они искали. Но цыгане?

– Где они?

Волчья пасть открылась, с трудом проталкивая сквозь горло человеческие слова.

– А они – это кто? – цыгане продолжали отступать к деревьям, тот, что обряжен был в женский наряд, не церемонясь, полоснул по подолу, увеличил себе разрез почти до талии – под платьем мелькнули штаны и потрепанные сапоги. Второй же на ходу искал что-то за пазухой, выставив саблю вперед.

– Думаете, обманули нас, жалкие человечки?

Стая быстро приходила в себя, сжималось кольцо плотнее.

– Сначала убьем вас, а потом вер-р-р-рнемся и весь ваш табор-р-р выр-р-режем!

Вожак стаи облизнулся уже предвкушая, как вонзят клыки в горло этих обманщиков, но едва он оттолкнулся от земли задними лапами, как в морду полетело облако белого порошка, легкого как пыль, который подхватил так кстати налетевший ветер. Оборотни невольно вдохнули и тут же расчихались – порошок обжег чувствительные носы, попал в глаза и горло, заставляя волков начать тереть лапами морды.

– Ты смотри, работает!

Лачо подтолкнул брата локтем, сам не ожидавший такого эффекта от порошка, данного шувани.

– Интересно, что же она туда натолкала?

Шуко вернул тычок, видя, как оборотни падают на землю и начинают кататься по ней, словно обезумев от боли. От этого с шеи вожака вдруг слетел какой-то предмет, темным пятном мелькнувший в воздухе и подкатившийся прямо к носкам сапогов Лачо.

– Глянь, это что?

Но брат уже и сам присел, подбирая предмет. Им оказался провощенный кожаный мешочек на лопнувшем шнурке.

– Потом разберемся! А теперь делаем ноги, пока они в себя не пришли!

Цыгане развернулись и сломя голову ринулись обратно. Лес оба знали прекрасно, главным было успеть уйти, да не встретить никакую нечисть по пути. Хотя оборотни наверняка распугали всех в округе своим воем и рычанием – ни один лесной обитатель не хотел бы встать на пути разъяренной стаи, преследующей добычу...

В это же время, пользуясь предоставленной форой, господин и его невеста, во весь опор неслись к замку Бран, возвышавшемуся над лесом на скалах, чтобы укрыться от преследователей. Поговаривали, что ни одна нечисть не рискует приближаться к этой крепости, но это вовсе не значило, что в лесах никого не было.

– Помогите-и-ите! – тонкий, жалобный женский голос вдруг пробился сквозь свист ветра откуда-то справа и среди деревьев мелькнул светлый силуэт. Стефан невольно натянул поводья прислушиваясь.

– Пожалуйста, сюда! Мне так страшно! – девушка плакала, звала на помощь. И он уже было повернул, когда крикнула Милорада, отчаянно, зло:

– Куда ты? Они сказали не сворачивать с дороги и не говорить ни с кем!

Стефан разрывался между состраданием и долгом – ему необходимо было спасти невесту, добраться до укрытия, но незнакомка так жалобно рыдала...

– Посмотри на нее!

Голос Милорады словно по волшебству отдернул полог облаков, позволил луне осветить дорогу и деревья, а также девушку, сидящую на обочине. Синюшное, раздутое лицо упырицы вдруг ощерилось иглоподобными зубами, а вместо плача из горла послышалось злобное шипение. Шторм, не дожидаясь команды хозяина, попятился, испуганно заржав, совершил скачок назад, а потом припустил вперед по дороге. Замок Бран был уже совсем рядом, вырастая темной громадой наверху. Живые огни на башнях служили ориентиром.

Давно стих топот копыт, растаяли в темноте господарь с невестой, а Баро и Кхамали все стояли у границы табора, думая каждый о своем. Наконец, барон вздохнул.

– Оборотни вернутся. Мы теперь для них враги, те, кто помешал расправиться с добычей.

Шувани зябко поежилась – налетевший ледяной ветер забирался даже под одежду.

– Ничего, Баро. Я знаю, что делать, справимся. Сколько нечисти мы отогнали уже?

С того момента, как табор остановился в этом месте, кто только не пытался достать лакомый кусочек в виде цыган... То лидерцы – бродячие огоньки, рожденные в болотных глубинах, оборачивающиеся людьми, которые зовут, манят выйти из бережного круга. То стриги, что бесшумно подкрадываются ближе, в надежде заполучить в свои лапы теплого, живого человека с горячей кровью. То хитрые мавки, что прикидываются красивыми девушками, плачут, просят помощи совсем близко. Их волосы серебрятся в лунном свете, но стоит ступить за границу круга, как оборачиваются красавицы-девицы жуткими тварями, а то и черными огромными птицами, которые острыми когтями раздирают жертву на части.

Только цыгане – народ приземленный, на посулы пустые вестись не приучен. Да и знали все в таборе – нельзя выходить за границы круга, что чертила колдунья, особенно ночью, когда

лес становился еще более жутким. В каждой тени чудились сгорбленные силуэты, сухие ветки тянулись к запоздалым путникам узловатыми лапами... Огни костров, призванные отгонять ночные тени, только подчеркивали их, делая угольно-черными, живыми и опасными...

– Пойдем, Баро. Нужно развести огонь, да достать просоленные веревки, что я заговорила. Сегодня ночью защиту стоит усилить.

Они подошли ближе к горящим кострам, и Шувани окликнула Богданко, что лез под руки к тетке Марийке, готовящей вечернюю похлебку:

– Подойди-ка сюда. Будешь сегодня у меня помощником.

Мальчишка тут же надулся от гордости, оглянулся по сторонам, вдруг кто не заметил, что его сама знающая попросила о помощи.

– А что делать надо? Колдовать будем?

Голос Богданко был таким деловитым, что все окружающие покатались со смеху – звучало так, словно это он колдовать станет, а Кхамали так, на подхвате у него будет.

– А я тебе сейчас расскажу... – Шувани обняла мальчика рукой за плечи, увлекла за собой к кибиткам, – нам нужно взять с тобой ладан, камфору, соль и белую смолу.

– А потом что? – глаза у Богданко горели предвкушением чуда и Кхамали не разочаровала его.

– А потом будем с тобой делать огненный круг.

– И заклинания будем читать?

– Будем, конечно. Куда же нам без заклинаний...

Помогать взялись все – угроза жизни волновала каждого, да и привыкли цыгане, что делают все всегда вместе. Мужчины принесли уже заготовленные с запасом на ночь дрова, выложили их широким кольцом вокруг стоянки. Кхамали лично расправила вторым кругом веревку, приговаривая что-то под нос.

– Можно я зажгу? Можно?

Вертелся рядом Богданко, крепко сжимающий в руках горящий факел. Баро усмехнулся, кивнул ему.

– Давай, великий колдун.

Коснулось пламя дров, и огненная дорожка побежала по кругу, замыкая кольцо. Шувани только вздохнула. Время утекало, а ни Лачо, ни Шуко, ни даже оборотни еще не вернулись. Заставив себя отвлечься от этих мыслей, она зачерпнула из мешочка белой смолы, раскрыла ее в пальцах, и бросила в огонь первую горсть. Работы было много – стоянка табора была не маленькой, а пропустить нельзя было ничего.

Шувани стряхнула последние крупинки в огненный круг и взгляделась во тьму с опаской, боясь, что тьма может и взглянуть в ответ.

– Не идут? – от голоса Богданко совсем рядом цыганка вздрогнула, едва не уронив яркую узорчатую шаль. Прошла уже пара часов с того момента, как Лачо и Шуко увели за собой оборотней, давая возможность господарю Стефану и его сиятельной невесте сбежать, укрыться от погони за крепкими стенами замка.

– Нет пока. Не видно никого. – Она потянулась, ласково взъерошила темные кудри ромала, и подтолкнула его к кибиткам, – Идем к огню.

Но, едва оба сделали два шага, как в лесу послышался топот, и к стоянке вылетели братья-цыгане, взмыленные, как кони после долгой скачки. Но одном до сих пор красовалось то самое платье, уже порядком оборванное, которое позволило Шуко прикинуться госпожой Милорадой. Цыгане ловко перемахнули через огненную преграду и оказались под защитой.

– Знающая, за нами погоня! – просипел Лачо, падая на колени внутри бережного круга. Богданко понятливо рванул к кострам, а шувани развернулась лицом к лесу.

– Я бы удивилась, если бы ее не было, – пробормотала себе под нос Кхамали и мыском башмака поправила веревку на земле.

Через секунду серые тени, сверкая желтыми огоньками глаз, вырвались из-за деревьев, огромными прыжками приближались к границе. Кхамали невозмутимо ждала. Едва первый оборотень прыгнул вперед, как раздался сухой треск, подобный звуку ломающихся костей, и преследователя откинуло назад.

– Нет хода нечисти на землю моего народа, – голос шувани звучал твердо, в такт ему зазвенели бусины на платке, когда она тряхнула головой. Оборотни закружились на месте, скалясь и воя.

– Это не твоя земля. Не тебе она принадлежит! – рычание оборотня и острые зубы заставили цыган, все еще не отдышавшихся, отползти подальше, несмотря на бережный круг.

– Сейчас здесь стоит мой табор. И не тебе решать, чья она, – Кхамали улыбнулась. Огонь бросал отсветы на лицо, делая улыбку жуткой.

– Отдай наше! – вожак метался перед границей, не собирался сдаваться. Остальная же стая рассыпалась, ища хоть одну брешь в защите – Отдай, ведьма!

Кхамали покачала головой.

– Неужто вы потеряли чутье? Нет здесь ничего вашего. Погнались за мороком, упустили свою добычу... Прочь!

Оборотень принюхался, и глаза его вновь сверкнули желтым.

– Пожалеешь, ведьма. Очень пожалеешь. Кровью отплатишь за свою ворожбу.

От этих слов по спине Кхамали пробежали мурашки, столько угрозы было в них, но она только сильнее выпрямилась, пряча испуг.

– Ты меня не страши, волчок. А то можешь и без шубы ненароком остаться...

И отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Оказалось, что пока они препирались, за спиной шувани собрался почти весь табор, в руках цыган поблескивали и острые сабли, кто-то прихватил рогатину. Волки переглянулись и попятились, растворились вдруг в тенях, но все прекрасно понимали, что они не уйдут далеко.

– К костру пойдём. Вам надо согреться, – Баро помог Шуко подняться на ноги, радуясь, что оба племянника целы.

– И выпить. Выпить очень надо, – Лачо все еще тяжело дышал, держался за грудь. Все же бег по лесу не самое легкое дело, да еще и ночью.

Табор зашумел, звучали одобрительные выкрики, кто-то из женщин поспешил к выкипающей похлебке, кто-то отправился за вином в кибитку.

– Вы как ушли-то от них? – Баро тяжело опустился на расстеленную холстину, протянул руки к живому огню. Лачо усмехнулся белозубо, делая длинный глоток из глиняной кружки.

– Сначала мы думали, что все обойдется. Лошади шли легко, быстро. Только вот волки не дураками оказались – обошли нас звериными тропами, да как выскочили перед лошадьми. Те на дыбы, сбросили нас и деру дали.

– Если бы у меня четыре ноги было, я бы тоже дал – встрял Шуко, шумно хлебая из кружки, – страшные они, конечно, ужас! Глаза как угли, косматые, зубы – что кинжалы.

Кто-то из женщин протяжно охнул, видимо, представляя картину. А Лачо, переждав пока брат договорит, продолжил:

– Я уже подумал, что все, конец нам пришел, когда стая обступила со всех сторон, раскусив обман, но помог порошок, который знающая дала на всякий случай. И как я только вспомнил про него? Кстати, что за зелье такое действенное?

Все обернулись к шувани, та усмехнулась.

– Никакого секрета. Обычные лютики, высушенные и перемолотые вместе с листьями ядовитого плюща. Меня Рамина научила еще в детстве, что так любого отпугнуть можно, человека ли, зверя или упыря. Велела всегда носить при себе мешочек, вот я и решила, что вам может пригодиться.

Лачо захохотал, одобрительно кивнул Баро. Шуко же перехватил нить рассказа, продолжил, чтобы брат мог промочить пока горло:

– Серые бросились на нас, ну Лачо и кинул в них мешочком. Что там началось! Волки расчихались, кататься по земле принялись, а мы, пока им было не до чего, назад отползли и деру. Кстати, Баро... – ромал кивнул Лачо и тот порылся в кармане, достал какую-то тряпицу.

– У одного на шее ладанка была, Шуко успел ее подрезать, когда заварушка завязалась, – цыган с гордостью глянул на брата. – Внутри это лежало. По пути развернули, думали может что ценное, раз волк на шее таскал это...

Украденная тряпица оказалась в руках барона, и тот принялся крутить добычу, а Шуко снова подхватил рассказ:

– Мы по тропинке бросились обратно, а потом слышим – завывли серые, за нами припустили как черти. Благо мы в ручей угодили, смогли их сбить со следа ненадолго. Так и сумели уйти подальше, иначе бы разорвала нас погоня на мелкие куски...

Цыгане охали, кто-то одобрительно хлопал братьев по плечам, поздравлял с удачей, а Баро тем временем протянул руку, отдавая Кхамали добычу везучих ромалов. – На, взгляни, знающая.

Она осторожно придержала задремавшего Богданко, провалившегося к боку, и прищурилась, разглядывая в пляшущем свете костра мелкие значки, покрывающие ткань. Ни одной знакомой буквы, да и на слова было не похоже. Ломаные линии, круги, то справа налево перечеркнутые косыми палочками, то наоборот, загогулины какие-то.

Но чтобы это не значило, оборотням явно была нужна эта тряпка и они постараются вернуть украденное... Хотя, если судить по наступившей в лесу тишине, можно было предположить, что стая не до конца была уверена в пропаже и сначала вернется на место, где настигла цыган, чтобы найти этот мешочек.

– А куда вы ладанку-то дели? – кажется, Баро думал о том же, что и шувани.

Шуко пожал плечами, оставил опустевшую кружку в сторону.

– Да почти там же и бросили, где нашли. Я же сразу полез посмотреть, что внутри. Тряпицу вынул, а саму ладанку в кусты зашвырнул, больше в ней ничего не было.

Кхамали задумчиво кивнула, разглядывая вновь и вновь знаки. Немного времени у них есть, а даже если оборотни и найдут пустой мешочек, свяжут ли с цыганами это?

– Там важное что-то? – Лачо подсел ближе, посмотрел через плечо шувани, – Мы глянули, какие-то детские каракули...

От него пахло вином и дымом костра, зато теперь и второй бок согрелся. Кхамали покачала головой.

– Не знаю. Важное наверно. А может просто список покупок на ближайшей ярмарке, – она улыбнулась, чуть отодвинулась от мужчины. Жест не остался незамеченным, и Лачо вдруг

разочарованно вздохнул, но тут же тряхнул смоляными кудрями, возвращая на лицо широкую улыбку.

– Так может нам на ярмарку в Тырговиште поутру съездить, а? Там и лавки есть, и люди грамотные встречаются. Говорят, даже звездочет имеется. Поспрашиваем, посмотрим? Баро, как считаешь?

Барон задумчиво пожевал губами.

– Идея неплохая. Знающая, а ты что скажешь?

Он уже давно понял, что даже несмотря на то, кто в таборе главный, последнее слово всегда оставалось за шувани.

Кхамали прикрыла глаза, на миг отрешаясь от гомона голосов, треска костра и запахов вокруг, но внезапно тряхнула головой и стянула с плеч шаль, кладя ее на землю перед собой. Цыгане притихли, замороженно глядя на движения шувани. А та достала карты, быстро их тасуя. На яркую ткань легли три прямоугольника, один за другим и Кхамали склонилась ниже, рассматривая изображения. На первой была видна кибитка, влекомая по дороге парой лошадей, которой правил цыган-возничий. На второй в бурлящей морской пене стояла цыганская семья, освещенная лучами солнца, а за их спинами на горизонте виднелись силуэты замковых башен. А на третьей, легкой чуть поодаль, в поле подсолнухов скакала лошадь, с восседающим на ней мальчиком. Колесница, Суд и Солнце.

– Поедем, Лачо, поедем.

После ее слов все вновь заговорили, а цыган рядом довольно шурился, словно и его осветило солнце посреди ночной тьмы.

Цыганский табор остался позади, как и сумрачный лес, таящий опасность за каждым стволом или кочкой. Дорога вывела Стефана и его невесту к узкой горной тропинке, змеящейся по скалам куда-то вверх, в темноту.

– Видимо, нам сюда.

Милорада задрала голову, разглядывая нагромождения камней. Где-то там, на самом пике виднелись яркие огоньки – замок Бран нес свою ночную стражу. Господарь спешился, помог спуститься невесте и крепко взял коня под уздцы.

– Поторопимся. Не хотелось бы попасться на зуб лесным тварям.

Он первым ступил на тропинку и почувствовал под подошвами сапог мелкую, острую каменную крошку. Чем выше они поднимались, тем светлее становилось, и Стефан невольно задался вопросом, как же сюда доставляют провизию? По этим тропам ни одна подвода не пройдет... да и конным лучше не рисковать – замешкаешься и прямой путь на тот свет. Хотя был не исключен вариант, что рыцари крепости знают другие дороги, но в их случае выбирать не приходилось. Шторм шагал спокойно, доверяя хозяину, а вот Милораде повезло меньше, ее лошадь постоянно оступалась, из-под копыт сыпались камни, и в ночной тишине звук их падения был подобен пушечной канонаде, так что к моменту, когда из скалы вдруг как по волшебству выросли большие деревянные ворота, пришельцев уже ждали. На крепостной стене один за другим разгорались факелы, освещая и сам замок, и дорогу ведущую к нему.

Стефан ударил кулаком в створки, скорее для видимости, чем для привлечения внимания, и поднял голову:

– Впустите нас!

Из-за ворот послышалось приглушенное бормотание, но отдельные слова разобрать удалось. «Какая воспитанная нечисть пошла, уже стучится...», «Леший побери их», следом прозвучало несколько крепких бранных слов. Господарь повернулся, проверяя, слышала ли их

невеста, но Милорада только привалилась к боку лошади, в изнеможении прикрыв глаза. Еще бы! Выехали они рано, потом сумасшедшая скачка по лесу, схватка с оборотнями, прием в таборе. Он и сам чувствовал усталость, что уж говорить о хрупкой леди, которая привыкла к роскоши и комфорту?

– Откройте! – он повысил голос, снова ударил по дереву створок, – Я господарь Венгрии, Стефан Дечан!

Звуки за стеной тотчас стихли. Через секунду в воротах приоткрылось зарешеченное окошко.

– А чем вы докажете, что не нечисть?

Более глупого вопроса придумать было нельзя, так что Стефан даже опешил, не сразу сообразив, как ответить. За воротами ожидающе молчали.

– А просто моего слова недостаточно? – он предпринял еще одну попытку договориться, но в ответ получил только издевательский смех: «мол, нашел дураков, верить на слово».

Пришлось прибегнуть к крайним мерам, потому что именно в этот момент в лесу, что раскинулся у подножия гор, раздалось рычание, донесенное ветром даже сюда, а на тропинке застучали вдруг камни – лесная нечисть явно заинтересовалась гостями крепости и решила проверить, кто же там. Стефан выхватил из-за пояса кинжал и сунул его в окошко, стражник с громкой бранью отшатнулся подальше.

– Серебро, видишь?

И, не дожидаясь ответа, полоснул себя поперек ладони. Кожа и острие мигом окрасились красным – самым противным цветом в мире.

– Довольно доказательств?

Внутри еще мешкали, раздался чей-то неуверенный голос: – А она?

Господарь обернулся к невесте, а потом приблизился к окошку почти вплотную:

– Не станете же вы заставлять леди причинять себе боль?

И ровно в этот момент раздался громкий повелительный окрик:

– Открыть ворота!

Створки тут же дрогнули и заскрипели, медленно подались внутрь...

Господарь не стал ждать, пока ворота полностью распахнутся. Хлопнул по крупу Шторма и подхватил под локоть пошатнувшуюся Милораду, вводя ее во двор замка. Ворота снова заскрипели и вернулись в исходное положение.

Внутри ярко горели факела, полукругом стояли стражи крепости, недвусмысленно держась за рукояти сабель, но к ним уже спешил высокий, одетый в черное господин.

– Добро пожаловать в замок Бран, – его низкий голос прокатился по двору, и это словно послужило знаком. Стража расслабилась, кто-то подхватил поводья лошадей, а господин тем временем приблизился на расстояние вытянутой руки и поклонился. Не подобострастно, но выказывая должное уважение.

– Я комендант этой крепости, господарь. Бернارد Вак, барон. К вашим услугам.

Стефан кивнул. Об этом человеке он слышал и слышал много. Умелый воин, талантливый стратег и полководец, на чьем счету была не одна победа в сражении. Судя по всему, он тоже знал сына правителя, возможно даже в лицо, потому что ни на секунду не усомнился.

– Что же за напасть привела вас, да еще и в компании леди сюда в такой час?

Стефан, продолжая поддерживать невесту, огляделся и качнул головой.

– К моему сожалению, не праздное любопытство, и не увеселительная прогулка. Мы с невестой направлялись в замок рода Неманич, но в дороге на карету напали оборотни. Охрана задержала стаю, дав нам возможность уйти.

Короткая версия событий, казалось, полностью удовлетворила коменданта, и он закивал.

– Да, нечисть совсем распоясалась в лесах, это правда. – и, словно опомнился, – прошу вас, проходите внутрь. Согреетесь, а комнаты для вас и благородной госпожи пока приготовят. Простите за такой прием, но вы должны понимать, что мы не можем подвергать обитателей замка опасности. А нечисть хитра и изворотлива. Несколько недель назад мавка выманила наружу совсем молоденького парня, мы нашли его только утром, в лесу...

Господарь поморщился, чувствуя, как продолжает пульсировать болью порез на руке, и тут же почувствовал, как холодные пальцы невесты касаются раны.

– Спасибо, что не позволил им заставить меня сделать то же самое... я бы не вынесла.

Она тихо шепнула, и неожиданно прижалась к его плечу щекой.

Барон говорил и говорил, провожая гостей в большой зал, где стоял длинный деревянный стол. Стефан отодвинул стул, помог Милораде присесть, комендант же выглянул в коридор, приказал кому-то принести подогретого вина и хлеба. Вернувшись, хозяин замка тоже присел за стол, разглядывая с удивлением и странный наряд девушки, и драный плащ на Стефане.

– Простите за такой вопрос... Но каких бродяг пришлось ограбить? Или это новая мода при дворе?

Милорада с отвращением оттянула ворот рубашки:

– Это цыгане дали. Мы случайно наткнулись на их табор в лесу.

Бернард удивленно глянул на нее, но Стефан поспешил подтвердить: – Все именно так. Нам повезло встретить цыган, которые и помогли добраться сюда, пожертвовав своими людьми – те увели погоню в другую сторону. Очень милые люди.

По лицу барона скользнула непонятная тень, но он промолчал, только кивнул.

– Что ж, попробуем навестить их утром, поблагодарим за чудесное спасение.

Пока они разговаривали, Милорада огляделась.

– Барон, господарь ранен. Ему пришлось доказывать вашим людям, что мы не нечисть. Найдется у вас, чем перевязать рану?

В этот момент все существо Стефана затопила теплая волна нежности, ведь невеста думала в первую очередь о нем и его благополучии, а не о своей ране. Комендант кивнул, отдавая еще одно распоряжение.

С перевязочными материалами в замке явно дела обстояли лучше, чем с провизией, поэтому уже через несколько минут один из тех стражей, что Стефан видел во дворе, принес чистую холщовую ткань, разрезанную на полосы, и миску с водой. Милорада поморщилась, повернула руку жениха ладонью вверх, и, сдвинув сосредоточенно брови, принялась неловко промывать рану, слишком сильно нажимая на нее, из-за чего кровь вновь окрасила и его кожу, и пальчики добровольной помощницы.

– Давай я лучше сам.

Господарь мягко отстранил чужие руки, опуская ладонь в воду, и почувствовал как порез начинает щипать, а после забинтовал рану. Повернув голову, он обнаружил, что бледная девушка, не отрываясь, смотрит на свои пальцы, окрашенные темно-бордовым.

– Отвернись, не надо.

Стефан ласково тронул ее за запястье, и Милорада вздрогнула, приходя в себя.

– Простите... мне нужно вымыть руки, – она тяжело сглотнула, видимо, непривычную к виду крови девушку замутило.

– О, конечно. Я провожу вас! – барон галантно встал и бросил вопросительный взгляд на господаря, тот кивнул, позволяя отвести невесту. Вернулись они быстро, судя по всему,

купальня или умывальни располагались не так далеко. Щеки Милорады немного порозовели после водных процедур.

В этот момент в трапезную проскользнула бочком заспанная служанка с подносом в руках.

– Простите за скромный ужин, но в этот час больше ничего не могу предложить.

Запах горячего вина, щедро приправленного специями, уже разнесся по комнате, хлеб тоже был свежим и ароматным, и Стефан почувствовал, как просыпается голод. Милорада же мило улыбнулась, хлопнув ресницами и снова садясь на выдвинутый стул.

– Ну что вы! В такое время это более чем щедро, правда, мой господин?

Ее ласковый взгляд коснулся Стефана и тот поспешно кивнул, сел к столу рядом с невестой.

– Чистая правда. Сейчас не до изысканных блюд, а хлеб выглядит просто потрясающе.

Барон улыбнулся, придвинул к гостям поднос, с которого взял только кружку с вином.

– Расскажите подробнее про нападение. Вы знаете, почему оборотни вдруг заинтересовались именно вами? Раньше они не были замечены в разбое.

Стефан откусил от ломтя, глянул, как невеста задумчиво крошит хлеб. Прожевав, пожал плечами.

– Понятия не имею. Возможно, они решили таким образом избавиться от меня, ослабив тем самым отца. Он уже немолод и мог не вынести такой потери.

Барон кивнул, сделал глоток из своей кружки.

– Вполне возможно. Тогда нам стоит возблагодарить бога, что он отвел от вас обоих опасность и позволил спастись.

В трапезную заглянул один из слуг.

– Господин комендант, комнаты готовы. Мне отвести туда гостей?

Но барон покачал головой.

– Не надо, я сам провожу.

Встал из-за стола, делая жест в сторону двери.

– Прошу за мной.

По пустым, слабоосвещенным коридорам они дошли до лестницы, поднялись этажом выше. Две комнаты, с распахнутыми дверьми. Одна в самом конце коридора, вторая у входа.

Стефан кивнул на ближайшую.

– Я расположусь здесь.

После выпитого вина глаза слипались. Он покачнулся, и барон ловко подхватил господаря под руку.

– Устраивайтесь и не беспокойтесь, я лично провожу госпожу в ее покои. В этом замке вам обоим ничего не грозит.

Сил сопротивляться у Стефана уже не было. Усталость мельничным жерновом давила на плечи, егохватило только на то, чтобы сбросить плащ и упасть на кровать, почти мгновенно забываясь тяжелым, беспокойным сном.

Комендант же повел Милораду дальше, осторожно прикрыв дверь в комнату господаря. Через несколько секунд он остановился.

– Ваши покои, госпожа. Надеюсь, вам будет здесь удобно.

Его взгляд скользнул по вырезу рубашки, опустился ниже.

– Я распоряжусь, чтобы утром вам подобрали более подходящую одежду.

Милорада вдруг усмехнулась.

– Неужели этот наряд меня не красит?

Тонкие пальцы порхали в воздухе, касаясь приоткрытых ключиц, скользнули вдоль шеи, тронули длинный золотистый локон. Барон протянул руку, едва не дотронувшись до женского тела.

– Не надо со мной играть, госпожа. Сами знаете, что бывает с теми, кто забывает о том, какие есть правила игры.

Его ладонь опустилась, а Милорада вдруг отступила на шаг.

– Я все помню, не волнуйтесь. Доброй ночи, Бернард.

Она протиснулась мимо него в комнату, задела бедром, и аккуратно прикрыла дверь. А комендант усмехнулся. В этом замке все играют по его правилам, даже если не знают об этом...

Он отступил дальше от двери, оставляя гостей отдыхать и исчез из вида, словно растворившись в густых тенях. Звуча шагов слышно не было, и Милорада до конца закрыла дверь, а после подошла к окну и положила ладони на холодный каменный подоконник. Сколько еще продлится эта нелепая война, в которой люди вынуждены бороться за свой же мир?

ГЛАВА 4

Все заканчивается, рано или поздно. Разошлись ромалы, веря в силу бережного круга. Затихли и обитатели замка, укрытые от опасности высокими крепостными стенами. Лачо забрал спящего Богданко, унося его в кибитку. Кхамали же осталась у костра одна, глядя на мерцающие в темноте угли. Красивое зрелище, завораживающее. Словно горсть багряных звезд упала на землю, но не погасла, продолжая отдавать миру свой свет...

Это мерцание убаюкивало, уносило сознание в какие-то далекие просторы все настойчивее. Шувани помнила из рассказов Рамины, что нельзя сопротивляться – в таких полуснах знающие видели картины прошлого. Иногда – будущего, которое может свершиться. Она, не мигая, смотрела на багровые угли, чуть наклонилась вперед, и вдруг провалилась в темноту, которая закружилась вокруг, а потом внезапно распалась миллионом звезд, оставляя шувани в одиночестве на опушке мертвого леса. Прямо перед ней выростала стена жутких, искореженных стволов, полностью лишенных лиственного убора. Внезапно ближайшие деревья, напоминающие стражей, словно подались в разные стороны, открыли узкую полоску тропинки, подсвеченной багровыми искрами. Непреодолимая сила звала знающую вперед, подталкивала в спину, заставляла сделать шаг, потом другой...

Вокруг тревожно скрипели высохшие стволы деревьев, чуть шевеля голыми черными ветвями. Луна, бледным колесом выкатилась вдруг из-за туч, осветила выжженную в самом сердце леса поляну. Кхамали сделала очередной шаг, и из-под ног взметнулось серое облако. Пыль? Нет, пепел. Он хлопьями покрывал землю, пятнал деревья. Густой запах гари въедался в кожу, заставил попятиться... И вдруг на плечо цыганки опустилась тяжелая ладонь.

Голос пропал, словно капкан ужаса сомкнулся на горле, не давая крику вырваться, а воздуху проникнуть в легкие. Кхамали развернулась, широким подолом юбки поднимая вверх целую тучу пепла, закружившегося в лунном свете серыми траурными мотыльками, чувшими смерть. Рядом с ней стояла старая шувани, наставница, не так давно сгоревшая от лихорадки.

– Бабушка Рамина? – она хотела отшатнуться, но все та же сила будто удерживала цыганку на месте, не давая убежать. Губы покойной не дрогнули, но ее голос зазвучал со всех сторон, тревожа темноту леса:

– Древние говорят, что у каждого зла есть изначальный источник. Тот, кто породил их, несущих смерть на черных крыльях. Первый, но не мертвый. Древние говорят, что из лучей солнца выковано было оружие, способное уничтожить первого. Многие искали его, но не нашлось в мире героя, кто смог бы удержать в руках солнце. Многие находили его, но не находили в себе смелости вызвать первого на бой. Теперь солнце прячется под землей, там, где мертвые хранят его, укрыв костями.

Кхамали слушала, судорожно стискивая ворот платья, а перед глазами вдруг пятнами калейдоскопа понеслись туманные картины. Как это возможно, видение в видении? Но громада замка выросла вдруг из скалы, стены которой пульсировали тревожным багровым светом, а внутри словно ворочалось облако темноты. Серые своды сомкнулись внезапно над головой, отрезали от неба, увлекая глубоко под землю, где среди каменных саркофагов и груды костей ярко светилась золотая точка. Чьи-то темные глаза, пристально глядящие сквозь тьму, высматривали ее...

– Стоит ли искать его? Стоит ли попадаться на глаза? – голос наставницы разорвал серую паутину видений, а потом мертвая старуха опустилась на колени, пальцем выписывая в пепле знаки, тут же наливающиеся кровью и начинающие светиться. В лесу вдруг завывли волки, затрещали ветки под чьими-то грузными шагами. Цыганка обернулась, и в этот момент на ее плечо вновь опустилась тяжелая ладонь...

– Проснись, замерзла совсем поди! – голос Лачо звучал мягко, но встревожено, а от его рук шло почти обжигающее тепло, когда цыган обхватил ее за плечи, бережно помог встать на ноги. Кхамали не знала, то ли благодарить его, то ли ругать, что прервал поток видений, но в итоге просто промолчала, позволяя увести в тепло. Лачо потоптался на пороге, вздохнул тяжело, но не получив приглашения зайти, сбивчиво пробормотал пожелание доброй ночи и ретировался в темноту, оставил Кхамали одну.

Она же расплела косы, расчесала волосы частым деревянным гребешком и легла спать, надеясь, что во сне придет хоть какое-то понимание. Увы...

Солнечный луч скользнул по щеке знающей, пощекотал нос, принудил перевернуться на другой бок. Уже утро? Так быстро? Казалось, что голова только что коснулась подушки, а ты погляди, уже рассвет. На улице слышались приглушенные голоса проснувшихся цыган, фыркали лошади, заскрипела старая разохшаяся телега. Внезапно на край кровати кто-то плюхнулся, заставив Кхамали подскочить.

– Богданко! Совсем ополоумел – врываться так?

Мальчишка задорно улыбнулся, видя эффект, произведенный его появлением.

– А меня послали проверить, ты встала уже или как?

Шувани потеряла ладонями лицо.

– Иди уже, проверяльщик, скажи – встала и скоро приду. Ну? Давай!

Богданко как ветром сдуло, только закачался едва не сорванный с креплений тряпичный полог. А Кхамали покачала головой, поднимаясь. Раз сказала – надо поспешить. Спустя полчаса у границы лагеря собралась целая толпа. Женщины галдели, давали поручения Баро, что с ярмарки привезти, мужчины хмурились, не слишком довольные отъездом шувани. Вдруг что случится? Но знающая успокаивала их как умела.

– Веревку не троньте, пусть лежит. Защиту я обновила, ни одна нечисть внутрь не проскочит, а завтра мы уже и вернемся поди. Сами за границу ни ногой, за детьми следите тоже. Все хорошо будет.

Наконец, телега, которой правил Лачо, тронулась с места. Рядом с возницей пристроился гордый Богданко, который упросил взять его с собой – мальчишке страсть как хотелось посмотреть на город. Баро ехал верхом, а Кхамали устроилась в телеге, перебирала мешочки с травами, да амулеты, защищающие от сглаза. Цыган не любили, но в их магию верили, с удовольствием покупая яркие обереги, так почему бы не совместить приятное с полезным? В город они едут по делу, но можно и заработать немного. Богданко, взбудораженный поездкой, болтал без умолку, закидывал Лачо вопросами.

– А до города далеко?

– Еще далеко.

– А далеко – это сколько?

– Просто далеко.

– А приедем мы когда?

– Когда стены покажутся.

– А стены высокие?

- Высокие.
- А когда мы их увидим?
- Когда доедем.
- А еще далеко?
- ...

Знающая усмехнулась. Зато ехать не скучно. Дорога вилась сквозь лес, но было спокойно, ни одного оборотня, ни одной мавки, даже странно. Лачо же бдительности не терял, держал на коленях саблю, да и Баро внимательно поглядывал по сторонам. Выехали они рано, так что солнце еще не успело добраться до зенита, как раздался торжествующий вопль Богданко, заставивший пожилую кобылку, запряженную в телегу, нервно запрясть ушами, да прибавить шаг:

– Сте-е-е-ены! Я вижу сте-е-е-ены!

Лачо, от этого возгласа едва не свалившийся на землю, отвесил мальчишке легкую затрепину.

– Ты всех оборотней перепугал в округе! Смотри, вон, разбегаются в ужасе.

Богданко тут же завертел головой, отыскивая оборотней, а Баро звучно захохотал.

Пока цыгане веселились, впереди уже показался широкий каменный мост, упирающийся в распахнутые ворота, в которые непрерывной цепочкой ехали телеги с товарами, спешащие на ярмарку. Лачо пристроился следом за одной из крайних и тут же принялся весело переговариваться с возницами, выясняя цены на репу, капусту и чеснок. С наступлением эпохи тьмы и пришествием нечисти предприимчивые купцы распустили слух, что чеснок – универсальное средство для защиты, а также борьбы с любой нечистью. Легковерные люди принялись скупать такое доступное средство, а самые находчивые и вовсе вешали целые головки на шею. Правда, нечисть не знала, что с ней так борются, и с удовольствием питалась теперь горожанами, радуясь пикантной приправе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.